ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ
HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

научная статья / research article
УДК: 93/94
EDN: WQATRO
DOI: 10.48612/rg/RGW.29.3.9

Научная специальность ВАК:
5.6.1. Отечественная история

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License (Cc By-Nc 4.0)
This work is licensed under Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License (Cc By-Nc 4.0)

Почему на Руси не строили феодальных замков?

Гринёв Андрей Вальтерович ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ grinev_av@spbstu.ru

Аннотация

Введение. Общепризнанным архитектурным символом европейского Средневековья являются феодальные замки. В средневековой Руси и до, и после монгольского нашествия замков не строили вообще, однако до сих пор никто не стремился осмыслить этот феномен. Поэтому в статье предпринята первая в отечественной историографии попытка объяснить причину отсутствия феодальных замков в нашей стране.

Методы и материалы. Использован комплекс общенаучных теоретических методов: метод исторического описания, сравнительно-типологический и сравнительно-аналитический метод, системный подход. Эмпирические методы: анализ печатных и электронных источников информации и документов, визуальных изображений (картин, фотографий, гравюр), а также метод контент-анализа. Основными источниками исследования послужили многочисленные изображения средневековых феодальных замков и прочих укреплений, сочинения и записки западноевропейских путешественников, исторические и теоретические труды отечественных и зарубежных специалистов.

Результаты. Показана качественная специфика европейских феодальных замков и их отличие от иных оборонительных сооружений Средневековья, включая крепости, замки Католической церкви и укрепления средневековых европейских городов. Проанализировано географическое распространение феодальных замков. Сделан вывод, что одной из главных причин отсутствия развитой замковой архитектуры в России стало запоздалое введение института майората, начавшееся только с Петра I. Вторая причина отсутствия замков в России состояла в том, что здесь никогда не было полноценного феодализма, поскольку на протяжении почти всей своей истории страна эволюционировала в русле восточного пути развития мировой цивилизации и в ней господствовал политарный строй.

Заключение. Появление замков в Западной и Центральной Европе не было случайным явлением или данью архитектурной моде. Замки явились закономерным выражением феодальной системы, сложившейся в эпоху расцвета Средневековья в этом регионе. Поскольку на Руси не строили каменных замков и городских укреплений, спасших Европу от порабощения монголами в XIII в., страна стала легкой добычей для завоевателей с Востока.

Ключевые слова: замок; крепость; Средневековая Русь; феодализм; политаризм; майорат

Для цитирования: Гринёв А.В. Почему на Руси не строили феодальных замков? // Россия в глобальном мире. 2026. Т. 29. Вып. 3. С. 135–157. https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.3.9. EDN: WQATRO.

© Гринёв А.В., 2026. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Why Weren't Feudal Castles Built in Rus'?

Andrei V. Grinev ✉
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ grinev_av@spbstu.ru

Abstract

Introduction. Feudal castles are a universally recognized architectural symbol of the European Middle Ages. In medieval Rus', both before and after the Mongol invasion, castles were not built at all, yet no one has yet attempted to understand this phenomenon. Therefore, this article is the first attempt in Russian historiography to explain the absence of feudal castles in our country.

Methods and Materials. A combination of general scientific theoretical methods, historical description, comparative typological and comparative analytical methods, and a systems approach were used. Empirical methods included analysis of printed and electronic sources and documents, visual images (paintings, photographs, engravings), and content analysis. The primary sources of the study included numerous images of medieval feudal castles and other fortifications, writings and notes by Western European travelers, and historical and theoretical works by Russian and foreign scholars.

Results. The article explores the specific features of European feudal castles and their differences from other medieval defensive structures, including fortresses, Catholic castles, and the fortifications of medieval European cities. The geographic distribution of feudal castles is analyzed. This review is necessary to debunk the myths surrounding their presence in Russia (Vyborg Castle, Mikhailovsky Castle, and others), as well as to understand the factors that hindered the development of castle architecture in the country during the Middle Ages. According to the author, this was due to the absent of the institution of majorat, characteristic of Europe and Japan, to develop in Russia. Peter the Great's attempt to introduce it proved belated and unsuccessful. A second reason for the absence of castles in Russia was that full-fledged feudalism never existed there, as for almost its entire history, the country evolved along the Eastern path of world civilization and was dominated by a politarism system.

Conclusion. The emergence of castles in Western and Central Europe was not a random phenomenon or a tribute to architectural fashion. Castles were a natural expression of the feudal system that developed during the heyday of the Middle Ages in this region. Since Rus' lacked the stone castles and city fortifications that saved Europe from Mongol enslavement in the 13th century, the country became easy prey for conquerors from the East.

Keywords: castle; fortress; Medieval Rus'; feudalism; politarism; majorat

For citation: Grinev, A.V. Why Weren't Feudal Castles Built in Rus'? *Russia in the Global World*. 2026. Vol. 29. Iss. 3. P. 135–157. https://doi.org/10.48612/rg/RGW.29.3.9. EDN: WQATRO.

© Grinev, A.V., 2026. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Со школьной скамьи мы знаем, что каменные замки с зубчатыми стенами и башнями – это своего рода «визитная карточка» Европейского Средневековья, его архитектурный символ. Некогда тысячи замков покрывали почти всю Западную и Центральную Европу, но лишь очень немногие сохранились до наших дней, а остальные стали жертвами времени, войн, пожаров и прочих стихийных и социальных

потрясений. Правда, некоторые из них порой восстанавливались, как например, величественный замок Хохкёнигсбург (нем. *Hohkönigsburg* – «Высокий Королевский Замок») в Эльзасе, который был основан в первой половине XII в. Однако к началу XX в. он представлял собой жалкое зрелище и был воссоздан по приказу последнего германского императора Вильгельма II в 1900–1908 гг. «как символ немецкой мощи» [1, p. 71–72]. Сейчас этот замок носит французское название Шато дю О-Кёнигсбур (*Château du Haut-Koenigsbourg*), так как территория Эльзаса перешла к Франции по итогам 1-й Мировой войны. Более того, еще в XIX в. в Европе возникла мода на строительство стилизованных под старину замков, самым популярным из которых является, безусловно, Нойшванштайн (нем. *Schloss Neuschwanstein*, дословно – «Замок Новый Лебединый Камень»), возведенный в 1869–1886 гг. на северной границе Баварских Альп по указанию короля Людвига II, который стал символом средневековой рыцарской романтики [2; 3].

Нерешенной до сих пор научной проблемой является вопрос о причинах отсутствия средневековых замков в России как до, так и после монгольского нашествия. Поскольку в российской науке не имеется соответствующих изысканий, это предопределило актуальность и новизну представленного в данной статье исследования: впервые в отечественной историографии предпринята попытка объяснить феномен отсутствия феодальных замков в Средневековой Руси. Из этого вытекают задачи исследования:

1) Критически проанализировать определения замков и крепостей, которые даны в электронных СМИ.

2) Рассмотреть географическое распространение средневековых феодальных замков.

3) Выявить качественное отличие феодальных замков от крепостей, укрепленных монастырей, орденских замков Католической церкви и городских оборонительных сооружений Средневековой Европы.

4) Вскрыть объективные причины, по которым феодальные замки не строили в России.

5) Объяснить, почему феодализм спас Европу от монгольского завоевания.

6) Продемонстрировать взаимосвязь отсутствия феодальных замков на Руси с деспотической властью московских владык.

Методы и материалы

Избранная тема предполагает обращение в двум основным разновидностям методов: теоретическим и практическим. Первые из них можно отнести к общенаучным, так как их используют специалисты всех научных дисциплин, начиная от высшей математики и заканчивая прикладной лингвистикой (анализ и синтез, сравнительно-типологический и сравнительно-аналитический метод, системный подход, метод исторического описания и др.).

Наряду с теоретической методологией, в исследовании широко применялись практические методы – анализ печатных и электронных источников информации, различных документов, визуальных изображений (картин, фотографий, гравюр), а также метод контент-анализа.

При этом основными источниками при написании работы послужили многочисленные изображения феодальных замков и прочих укреплений эпохи

Средневековья, сочинения и записки западноевропейских путешественников (Джильс Флетчер, Сигизмунд фон Герберштейн, Адам Олеарий, Жак де Маржерет), исторические и теоретические труды отечественных и зарубежных специалистов (Михаил Вильковский, Бернд Каргуэ, Евгений Килимник, Армин Туулсе и др.), связанных с замковой архитектурой.

Результаты

В ходе исследования темы выявлена и показана качественная специфика европейских феодальных замков и их отличие от иных оборонительных сооружений Средневековья, включая крепости, орденские замки и укрепленные монастыри Католической церкви, а также укрепления средневековых европейских городов. Далее было проанализировано географическое распространение феодальных замков. Обзор этих сюжетов необходим для развенчания мифов о наличии их в России (Выборгский, Михайловский замок и др.), а также для понимания тех факторов, которые препятствовали формированию в стране замковой архитектуры в период Средневековья.

В проведенном исследовании автор впервые в отечественной историографии доказывает, что причина отсутствия замков в Средневековой Руси заключалась в том, что в стране не сложился институт майората, характерный для Европы и Японии. Попытка Петра I внедрить его оказалась запоздалой и безуспешной. Вторая причина отсутствия замков в России состояла в том, что здесь никогда не было полноценного феодализма. Поскольку этот дискуссионный теоретический вопрос до сих пор вызывает споры в отечественной науке, ему уделено особое внимание в данном исследовании. Одним из веских аргументов, свидетельствующих о том, что на Руси не существовало феодализма в западноевропейском варианте, как раз является отсутствие в стране феодальных замков. В свою очередь, это имело очень существенные исторические и социально-политические последствия, в частности, обусловило ту относительную легкость, с которой монголы смогли завоевать Русь, но не смогли подчинить себе Центральную и Западную Европу, где каменные замки имелись в изобилии. В результате исследования автор приходит к выводу, что их дефицит на Руси обуславливался существующим в стране строем и предопределялся сознательной политикой московских владык, что усиливало и укрепляло их деспотическую власть.

Дискуссия

Мое внимание к замкам неслучайно. Занимаясь преподаванием истории студентам 1-го курса Инженерно-строительного института Санкт-Петербургского политехнического университета уже более 10 лет, люблю задавать учащимся вопрос, вынесенный в заголовок статьи, поскольку он имеет прямое отношение к их специальности. Так как вопрос задается в ходе семинарского занятия, а не на зачете, студентам разрешено пользоваться Интернетом, хотя сначала всегда предлагаю подумать самостоятельно и назвать хотя бы пару замков в России. Некоторые тут же вспоминают Михайловский замок в Петербурге и Выборгский – в Ленинградской области. На это приходится возразить, указав на то, что Михайловский замок построен явно не в Средневековье, а в 1797–1800 гг. и был предназначен не для феодала, а для

императора и вообще по своему архитектурному облику это не замок, а дворец. Что касается Выборгского замка, то приходится напомнить студентам, что он был заложен в 1293 г. не русскими, а шведами (швед. *Viborgs slott*, фин. *Viipurin linna*) и управлялся королевскими наместниками, а не принадлежал шведским феодалам, хотя внешне он действительно очень походит на европейские замки [4]. Всю эту информацию рекомендую проверить в Интернете, где первокурсники могут узнать много нового о замковой архитектуре, о конкретных замках и их истории. Веб-ресурсы[1] по этой теме обычно сопровождаются гравюрами, картинами, планами и фотографиями, которые помогают будущим строителям получить наглядное представление о внешнем облике этих своеобразных сооружений. Это тем более актуально, что в учебниках и учебных пособиях по истории архитектуры о западноевропейских феодальных замках говорится не всегда достаточно подробно.

Возвращаясь к идентификации Выборгского замка, предлагаю студентам подумать, какой термин лучше подходит для него: крепость или замок? Этот вопрос вызывает недоумение, так как обычно выборгское укрепление именуют именно «замком». Поэтому приходится немедленно задавать следующий вопрос: есть ли разница между замком и крепостью? Как правило, попытки студентов выяснить различие между двумя типами укрепленных сооружений крайне редко приводят к правильному результату. В данном случае их затруднения понятны, поскольку в Интернете не всегда можно найти правильный ответ. В частности, на запрос «В чем отличие крепости от замка?» электронная энциклопедия Википедия дает такое разъяснение: «Следует понимать разницу между крепостью и замком. Если замок – это, фактически, одно строение (здание), в котором в единое целое соединены и стены, и мосты, и жилые помещения (казармы, арсеналы), и башни, и рвы, и другие сооружения, то крепость – это участок земли, обнесённый стеной с башнями. При этом территория может быть как плотно застроена (домами, церквями, складами), так и пуста, в этом случае можно говорить о крепостном дворе. Кроме того, крепость, как правило, имеет намного большую площадь, чем замок, что и позволяло застраивать внутреннее пространство крепостей различными строениями. Частный случай города-крепости – многочисленные русские кремли»[2].

Сразу отмечу, что не совсем корректно смешивать крепости и центральные городские укрепления, как в случае с русскими кремлями. Дело в том, что первые могут быть отдельными фортификационными постройками вне городской черты, вовсе необязательно имеющие оборонительные башни (с XV в. их постепенно заменяли бастионы, как у Петропавловской крепости в Петербурге). Кроме того, русские кремли были далеко не так многочисленны, как говорится в Википедии. Подобные каменные или кирпичные сооружения даже в начале XVII в. были в России большой редкостью. Об этом свидетельствовал находившийся несколько лет на службе у русских француз Жак де Маржерет: «Все их замки [кремли] и крепости

[1] См., например, сайт: Самые интересные средневековые замки Европы // Трипстер: [сайт]. URL: https://experience.tripster.ru/articles/samye-interesnye-srednevekovye-zamki-evropy/ (дата обращения: 30.03.2026).

[2] Крепость. Материал из Википедии – свободной энциклопедии: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C (дата обращения: 12.03.2026).

деревянные, исключая Смоленск, замок Ивангород или Нарву, замок Тулу, Казань и Астрахань, замок Коломну и замок Путивль на границах Подолии и город Москву – большой город, через который протекает река, бóльшая, чем Сена…» [5, с. 239]. Конечно, Маржерет перечислил не все русские каменные укрепления того времени (он не упомянул, например, Порховскую крепость и Изборск), но действительно подобных защитных сооружений в России начала XVII в. было очень мало.

Тем не менее, эти частные уточнения не раскрывают должным образом сути вопроса: в чем же разница между крепостью и замком? Относительно правильный ответ дает «Обзор от ИИ»: «**замок** – это укрепленная частная резиденция феодала (жилье + оборона), а **крепость** – масштабное военное сооружение, предназначенное для защиты больших территорий, городов или границ. Замки более компактны, тогда как крепости представляют собой обширные укрепленные участки» (дата обращения: 12.03.2026). На самом деле фундаментальная разница между крепостью и феодальным замком состоит не в том, что в замке все строения соединены в единое целое, как сказано в Википедии, и не в том, что замок более компактен, в то время как крепость имеет большую площадь, а в том, что ее владельцем был не отдельный феодал, а государство. Таким образом, принципиальное отличие заключается в характере собственности. В случае с замком мы имеем дело с личной собственностью, а когда речь заходит о крепости – с государственной.

Но тут возникает новый вопрос: как же быть с замками/крепостями, принадлежащими Католической церкви? Ведь, как известно, помимо собственно феодальных замков (они были наиболее многочисленны) в Средневековой Европе имелись укрепленные сооружения, принадлежавшие Католической церкви, которыми нередко владели духовно-рыцарские ордена. Они строили их не только в Европе, но и на Ближнем Востоке в период Крестовых походов, как, например, хорошо укрепленный замок Крак де Шевалье (фр. *Krak de Chevaliers*) в современной Сирии. В Центральной Европе крупнейшим замком является принадлежавший некогда Тевтонскому ордену Мариенбург (нем. *Ordensburg Marienburg*), давший начало одноимённому городу (ныне город Мальборк в Польше) [6, p. 51–53, 106–108]. Иногда богатые католические монастыри также имели достаточно внушительные защитные сооружения, как, например, французское аббатство Мон-Сен-Мишéль (фр. *Mont Saint-Michel*).

Теперь ответим на вопрос: есть ли разница между замками Католической церкви и феодалов? Есть. Дело в том, что укрепленные резиденции последних принадлежали династиям земельной аристократии, тогда как замки (включая орденские) и монастыри Католической церкви находились во владении всей церковной корпорации. В этом не было ничего удивительного, ведь католические иерархи и знатные воины духовно-рыцарских орденов давали вечный обет служения церкви, отрекаясь от мирских благ и значимой собственности. Кроме того, согласно обычаю целибата, они не могли иметь наследников. Поэтому укрепленные католические монастыри и замки находились не в личной, а в корпоративной собственности. По своему статусу они занимали промежуточное положение между собственно феодальными замками и крепостями, принадлежащими государству.

Поскольку войны между феодалами в Средневековой Европе были нередким явлением, то города, даже совсем небольшие, вынуждены были обзаводиться

каменными стенами с зубцами и башнями для защиты от беспокойных соседей. В случае с городскими укреплениями мы имеем дело с корпоративной собственностью городской общины. Причем, подражая феодалам, города получали гербы, часто копирующие аналогичные эмблемы феодальных владетелей (см. герб Лондона, Брюсселя или Страсбурга). Прекрасным образчиком средневекового города-крепости является Каркассон в Южной Франции (фр. *Cité de Carcassonne, ville fortifiée de Carcassonne*) [7, с. 102–104].

Любой феодальный замок – это неповторимое архитектурное сооружение. Нет двух одинаковых («типовых») замков [8]. Оно и понятно, учитывая то, что все они строились по индивидуальному заказу сеньора с учетом местных традиций, причем дополнительным фактором было природное окружение, диктующее свои условия, ведь какие-то замки располагались на вершинах скал, утесов или земляных холмов естественного или искусственного происхождения (часто окруженных рвом, заполненным водой), а другие – на плоских равнинах. Естественно, при малейшей возможности средневековые архитекторы возводили замки на возвышенностях: их было легче оборонять, издали заметить приближающегося врага, а в случае наличия скального основания исключалась возможность подкопа. На равнинах за неимением значимых возвышенностей, строились так называемые «замки-на-воде», то есть они возводились на естественных или искусственных островах посреди водоема. Таковы некоторые замки в Нидерландах и Бельгии, иногда они встречаются также во Франции, Германии, Дании и Швеции. Даже в гористой Швейцарии есть подобный замок – знаменитый и прекрасно сохранившийся Шильонский замок (фр. *Château de Chillon*), расположенный у края Женевского озера, в трех километрах от городка Монтрё. Правда несмотря на то, что он расположен на озере, тем не менее, замок покоится на невысокой скале. Первое летописное упоминание о нем как резиденции графов Савойских относится к 1160 г. Как и большинство сохранившихся замков он неоднократно достраивался, перестраивался и реставрировался, но основные постройки были завершены в XV в. [6, p. 99–100]. Сейчас это едва ли не самый посещаемый замок Швейцарии, которому посвящены многочисленные туристические путеводители.

Размеры замков варьировались очень существенно. Обычно это было связано с величиной богатства феодала, которое, в свою очередь часто зависело от масштабов его земельных угодий и соответствующего титула. Естественно, что замок графа, а тем более герцога всегда превосходил по размерам замок простого рыцаря-феодала. Крупные замки обычно имели дополнительно одну-две внутренних стены с каменными перегородками между ними, которые могли существенно затруднить взятие штурмующими центральной цитадели (нем. *Citadel*, от итал. *cittadella* – «небольшой городок») или по-французски донжона (*donjon*). Обычно это была крупная и самая высокая башня или группа башен, располагавшаяся в центральной или наиболее защищенной части укрепления, где жил феодал со своим семейством, приближенными и слугами (иногда эту роль выполняли укрепленные дворцы).

В России еще с дореволюционных времен в качестве альтернативы термина «цитадель» иногда использовали слово «кремль» или «детинец», но это не совсем корректно, так как кремли (включая Московский), были центральной частью

городских укреплений, а не важнейшим элементом феодального замка. Очень наглядно разница в каменных оборонительных сооружениях Руси и Запада видна при сравнении крепости Ивангород и расположенного напротив нее через реку Нарва эстонского замка Св. Германа (эст. *Hermanni linnus*). Это замок был основан датчанами в XIII в., а затем в 1347 г. перешел к Ливонскому ордену (нем. *Hermannsburg*). С первого взгляда на нарвский замок бросается в глаза мощная высокая башня (цитадель) и полное отсутствие таковой в Ивангородской крепости [6, p. 109–110; 9, с. 28].

Географически феодальные замки ограничивались преимущественно Западной и Центральной Европой – на севере их не было в Норвегии, северной Швеции и в Финляндии, что неудивительно, поскольку здесь отсутствовал полноценный феодализм [10, с. 89–91]. Граница распространения замков на юге Европы проходила по Балканскому полуострову, включая часть современной Румынии, Сербии и Хорватии, захватывая также Италию, Испанию и Португалию. На востоке замки строили в Прибалтике – орденские и частные, а равным образом на землях бывшей Речи Посполитой, Словакии и Венгрии.

На Руси, как и в целом на Востоке, феодальных замков в классическом понимании не было за исключением построенных крестоносцами в Палестине и Сирии, а также замков Японии, которые возводились не без влияния европейцев лишь с XVI в. [11, с. 27]. Разумеется, японские замки «широ» (яп. 城, *shiro*) внешне совершенно не походили на свои европейские аналоги, хотя также имели своеобразные донжоны «тэнсю» (яп. 天守) – главные башни в несколько ярусов, которые служили арсеналом и последним рубежом обороны.

В отличие от классических европейских замков, японские сооружались из дерева, а не из камня, поскольку в ином случае были бы довольно быстро разрушены частыми и сильными землетрясениями. Правда, они имели каменные основания в виде широких четырехугольных конусообразных платформ, которые состояли из свободно подогнанных камней без всякого скрепляющего раствора [12, с. 290–291]. Для предохранения деревянных стен японских укреплений от огня и непогоды они покрывались несколькими слоями выбеленной глины, что было совершенно не характерно для западноевропейских феодальных замков. Уточню, что их японские аналоги часто именуют «самурайскими замками», но на самом деле самураям они не принадлежали, а их владельцами были крупные феодалы даймё (яп. 大名, букв. «большое имя»), которым самураи и служили. В отличие от европейских рыцарей-феодалов самураи своих замков не имели. К глубокому сожалению, в настоящее время сохранилось очень мало японских замков, из них самым известным считается Химейдзи (姫 路 城, *Himeji castle* или «Замок Белой Цапли») [11, с. 159–166; 12, с. 295].

После этого краткого очерка, связанного с замковой архитектурой, вернемся к нашему основному вопросу: почему на Руси не было феодальных замков? Обычно их отсутствие связывают с тем, что при обилии лесов, дешевизне и доступности дерева строить каменные замки было невыгодно: из-за особенностей геоморфологии Восточной Европы камень был в дефиците, он был дорог и доставлять его из каменоломен было сложно. На это требовалось немалые материальные средства и большие людские ресурсы, которых на Руси было недостаточно из-за небольшой

плотности населения. Но это объяснение несостоятельно, так как подобная ситуация имела место, например, в Нидерландах, где со строительным камнем тоже были большие проблемы, тем не менее, выход был найден в строительстве кирпичных «замков-на-воде». Поэтому отсутствие на Руси замковой архитектуры следует объяснять иными причинами.

Чтобы разобраться с этим феноменом придется еще раз вернуться к феодальным замкам в Европе и уточнить, что они строились не с начала эпохи Средневековья после падения Западной Римской империи (476 г.), а гораздо позже. В медиевистике существует даже специальный термин «озамкование» или «инкастельменто» (от ит. *incastellamento*). Этот термин используется в исторической литературе для обозначения периода массового строительства замков начиная с X–XI вв. в ходе так называемой «феодальной революции» [13; 14, с. 114]. Недавний анализ археологических раскопок в 2013–2014 гг. под руководством Николя Клемана на территории современной Франции (Овернь) показал, что уже с 880-х гг. в стране начинается возведение первых феодальных замков [15, с. 23]. Именно опираясь на них французские сеньоры-шателены (фр. *châtelain* – владелец замка) смогли подчинить своей власти крестьян и отстаивать свою экономическую и политическую независимость от других феодалов и даже короля. Закономерным результатом стала феодальная раздробленность, постепенно охватившая не только Францию, но и другие страны Западной Европы. Не вдаваясь в дискуссию по вопросу о феодальной революции, необходимо выяснить, почему именно в этот период замковая архитектура переживала столь бурное развитие?

Если обратиться к крупной монографии М.Б. Вильковского о социологии архитектуры, то в ней ничего не говориться о причинах строительства замков, как и о них самих, за исключением ссылки на мнение видного социолога Норберта Элиаса о том, что в Средневековье «развитие цивилизации происходит на фоне архитектуры замков французской аристократии. Замки выполняют важную социальную роль, выступая центрами создания городов и развития процессов формирования государства в средние века» [16, с. 28–29]. Здесь следует уточнить, что строительство замков не ограничивалось одной Францией, а главное, что они далеко не всегда выступали центром создания городов. Во Франции многие из них возникли еще в эпоху Римской империи, когда феодальных замков еще не существовало. Кроме того, многие из них в Средние века так и остались укрепленными жилищами феодалов, поскольку не трансформировались в городские поселения. Наконец, роль замков в формировании государства не следует преувеличивать: оно складывается вовсе не по причине их наличия или отсутствия – можно привести массу исторических примеров, когда государство есть, а замков – нет (Древний Египет, Средневековый Китай и т.д.). Более того, средневековые государства в Европе стали формироваться за несколько веков до массового возведения замков, а сами они длительное время служили препятствием создания сильных централизованных государств.

Правовую основу для широкого строительства европейских замков заложил король франков Карл Великий, введя обычай майората (от лат. *major* – старший). Это был принцип наследования, при котором все недвижимое имущество умершего отходило только старшему сыну, а если сына не было, то ближайшему родственнику

мужского пола. Майорат, таким образом, способствовал неделимости имущества, в первую очередь земли и позволял избегать дробления феодальных владений. Введение майората было необходимо Карлу для экономического обеспечения тяжеловооруженной кавалерии (рыцарей), способной эффективно противодействовать легкой арабской коннице, с которой его войско столкнулось во время неудачного похода в Испанию (778 г.) и в последующих конфликтах с пиренейскими маврами, а также в сражениях с конным войском аваров в 790-х гг. Дед Карла Великого – Карл Мартелл – впервые успешно использовал тяжеловооруженную кавалерию против арабской конницы в битве при Пуатье (732 г.). И именно он произвел секуляризацию церковных владений, создав систему бенефициев – земельных пожалований, дававшихся под обязательную военную службу, которые со временем превратившиеся в наследственные владения-феоды. В сочетании с институтом майората они стали причиной массового возведения замков, которые были призваны обеспечить контроль над территорией, находящейся в постоянном владении феодальных династий [17, с. 99]. Принцип майората утверждался постепенно в разных европейских странах, а в Японии он был отменен лишь после 2-й Мировой войны.

В Средневековой Руси майората не существовало. Согласно русской традиции, богатый боярин-вотчинник в своем завещании обычно наделял своих сыновей-наследников равными земельными участками, что, естественно, рано или поздно приводило к измельчанию вотчин и делало совершенно бессмысленным строительство замков. При отсутствии института майората сохранять относительно крупные земельные владения княжеским и боярским потомкам можно было либо за счет выгодной женитьбы на богатой невесте, либо за счет пожалований со стороны великого князя/царя, находясь на его службе. Но оба варианта сохранения значительных земельных владений были не слишком надежны и стабильны. А русские монархи – как рюриковичи, так и первые цари династии Романовых – не спешили вводить обычай майората и, тем более, разрешать строить частные замки своим подданным.

Ситуация изменилась при Петре I, который попытался внедрить в России институт майората (именной указ царя от 18 марта 1714 г. «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах»[3]. Царь в данном случае руководствовался не проблемой создания тяжелой кавалерии, как в свое время Карл Великий, а сохранением объема государственных податей и привлечения на государственную службу дворянских детей, не получивших недвижимого имущества в качестве наследства. В своем указе Пётр I очень логично и доходчиво объяснял необходимость принятия института майората в предисловии и первых двух пунктах документа: «Понеже разделением имений после отцов детям недвижимых, великий есть вред в Государстве Нашем, как интересам Государственным, так и подданным и самим фамилиям падение»[4] .

Такие факты реально имели место. Например, немецкий путешественник Адам Олеарий, побывавший в Московии в 1634 г., писал: «Князья же, живущие в деревнях и иногда не имеющие средств, чтобы жить сообразно своему состоянию [титулу] ведут

[3] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 5. № 2789. С. 91–94.
[4] Там же. С. 91.

гораздо худший образ жизни, так что часто не зная их по другому чему-либо, трудно обнаружить их среди крестьян» [18, с. 393]. Одного такого князя видел сам Олеарий и принял его сначала за простого мужика, причем жилищем для него служила обычная крестьянская изба.

Впрочем, попытка Петра I ввести в России майорат не увенчался успехом, поскольку его указ 1714 г. был отменен уже в декабре 1730 г. при Анне Иоанновне в угоду пожеланиям дворянства[5]. Дальнейшие поползновения возродить майорат пусть даже в ограниченном виде (заповедные имения) большого успеха не имели, и, естественно, никакого строительства замков по западноевропейским канонам при этом не происходило. Сам принцип майората в России по традиции соблюдался в полной мере лишь среди остзейской и польской аристократии.

Отсутствие феодальных замков в России определялось еще одной, причем более фундаментальной причиной, а именно тем, что в стране никогда не было полноценного феодализма, хотя известный историк Н.П. Павлов-Сильванский издал в начале XX в. солидную монографию, которая имела красноречивое название: «Феодализм в России». В ней ученый пытался доказать существование этого строя на Руси, прибегая к параллелям с ранним европейским Средневековьем [19]. Действительно, определенное сходство имело место, когда хорошо известное в начальной истории Руси полюдье было заменено системой кормлений – временных пожалований князьями своим слугам и приближенным права на сбор податей с крестьянских общин вместе с передачей им административных функций. Нетрудно догадаться, что в дальнейшем эти княжеские пожалования превращались в вотчины, как это происходило в Западной Европе [20, с. 152–153, 322; 21, с. 146–147]. Особенно много крупных вотчин было на плодородном юго-западе Руси в районе Галицко-Волынского княжества, где местное боярство все более и более напоминало западноевропейских феодалов, а вотчинные постройки галицких бояр походили на европейские замки [17, 105; 22, с. 56–58]. В итоге, по мнению Н.П. Павлова-Сильванского, а вслед за ним и значительной части отечественных историков, на Руси в удельный период объективно развивались феодальные отношения, абсолютно идентичные (вплоть до терминологических совпадений) западноевропейским порядкам (вассальные службы, ленное землевладение и раздробление суверенной власти) [19, с. 74–78 и др.].

Справедливости ради надо сказать, что мнение о существовании на Руси феодализма подвергается пересмотру в работах некоторых исследователей, которые определяют возникший строй как квази-феодализм, лишь внешне напоминающий европейские аналоги [23, с. 42; 24, с. 151–156]. Добавлю, что некоторые видные дореволюционные историки также указывали на то, что древнерусские князья долгое время не индивидуализировали права собственности на землю, поскольку фактически она находилась в руках всего княжеского рода рюриковичей [25, с. 26]. Схожим образом и при возникновении державы Чингисхана его государство мыслилось принадлежавшим всему «золотому роду» чингизидов [26, с. 147, 149]. «Коловращение» русских князей, перемещавшихся из одной области в другую, от «стола» к «столу», из города в город продолжалось до Любечского съезда (1097 г.), на

[5] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 8. № 5653. С. 345–347.

котором был, наконец, провозглашен династический принцип разделения Русской земли между князьями и началось их «оседание» в конкретных княжествах.

Тем не менее, процесс феодализации не получил своего логического завершения даже в условиях удельной Руси, когда, по мнению немалого числа историков, у нас наблюдался период «феодальной раздробленности». Однако, как писал в свое время М.Ф. Владимирский-Буданов, и в этот период идея о единстве княжеского рода рюриковичей и его исключительном праве на Русскую землю «есть одно из самых сильных объединительных начал того времени» [22, с. 66–67]. Выдающийся отечественный историк В.О. Ключевский прямо указывал на «отсутствие феодального момента» в древнерусском государстве и на отличие протекавших в нем социально-экономических процессов от ситуации в Западной Европе [27, с. 359–360; см. также: 25, с. 230]. Это подтверждает, например, детальный анализ английской модели феодализма, проведенный в свое время М.А. Баргом [28]. Даже сторонник формирования феодализма на Руси Н.П. Павлов-Сильванский вынужден был признать: «На Западе чиновники и землевладельцы стали государями; у нас все удельные государи, большие и малые, одного княжеского рода рюриковичей; ни один боярин, как ни один наместник, не сделался у нас князем» [19, с. 90]. Это можно считать объективным свидетельством сохранения верховной собственности рюриковичей на основное средство производства – землю и населявших ее людей.

Здесь логично встает вопрос: какой же строй утвердился на Руси в домонгольский период? В отечественной и зарубежной науке ответ на него порождал неоднократные дискуссии среди историков, экономистов, юристов и философов. На мой взгляд, особенности исторического развития России на протяжении веков предопределялись господством верховной частной (то есть связанная с эксплуатацией) собственности государства на основные средства производства и личность непосредственного производителя [29]. Такую систему, вслед за К. Марксом, нередко обозначают как «азиатский способ производства»; в ход идут и такие понятия, как «этакратизм», «вотчинное государство» («вотчинный уклад»), «государственный феодализм», «государственно-крепостнический строй» и проч. [30, с. 222; 31; 32, с. 36–41; 33, с. 36–37, 45, 419 и др.; 34]. В данном случае наиболее удачным мне представляется термин «политаризм» (от греч. *πολιτεία* – власть большинства, то есть в широком смысле государство, политическая система), который был введен в научный оборот видным отечественным этнологом Ю.И. Семеновым. Во-первых, данный термин находится в русле традиционного греко-латинского категориального аппарата науки. Во-вторых, он наиболее точно отражает суть явления – определение общества по характеру господствующего в нем типа собственности и производственных отношений (по аналогии: феодализм, капитализм). В-третьих, именно в обстоятельных трудах профессора Ю.И. Семенова убедительно показан механизм возникновения политаризма как первой классово-антагонистической формации у различных народов мира [35, 36; см. также: 37, с. 132–141, 191]. В-четвертых, другие, наиболее употребительные термины, такие как «азиатский способ производства» и «государственный феодализм», не представляются оптимальными. Первый из них слишком громоздкий и неточный, так как общества с «азиатским способом производства» встречаются не только в Азии, а второй способен ввести читателя в

заблуждение, хотя внешне политаризм действительно напоминает феодализм. Ведь и в том и другом случае существует верховная частная собственность как на землю, так и на обрабатывающих ее крестьян. В обеих системах последние являются хотя и подчиненными, но все же в известной степени собственниками своей земли (или, по крайней мере, рабочего инвентаря и другого имущества), а также отчасти и своей личности. Однако имеются отличия. В феодальных обществах каждый отдельный феодал был фактически самостоятельным верховным владетелем крупной земельной собственности. Это и было основой его экономической и политической самостоятельности (на практике это порождало хорошо известной феномен феодальной раздробленности). При политаризме же существует только один верховный собственник, коллективно эксплуатирующий весь класс производителей – государственный аппарат, бюрократия, во главе с чиновником № 1 – верховным правителем (фараоном, царем, императором), который и распоряжается всем в подвластном ему государстве. Другими словами, в одном случае доминирует частно-личная собственность (феодализм), в другом – частно-государственная (политаризм). Поскольку в конкретном политарном обществе в господствующий государственный уклад могут быть включены корпоративно-общинные, мелкотоварные, рабовладельческие, феодальные и капиталистические отношения, образуя специфические подуклады, это может значительно осложнить правильную идентификацию данного общества.

Что касается России, то элементы феодализма в русском средневековом обществе, безусловно, присутствовали, но не играли ведущей роли: процесс феодализации не получил своего логического завершения в период домонгольской Руси. Специалист по истории русского Средневековья А.А. Горский отмечает, что «господствующее положение в общественных отношениях в период существования единого государства Русь занимала система государственных доходов, которая служила для обеспечения господствующего слоя – дружинной корпорации, являвшей собой одновременно государственный аппарат […]. В то же время сложилась и система частного землевладения – княжеского, боярского, церковного, пока еще в качестве небольшого сектора» [38, с. 19–20].

Определенное сходство между ранним Средневековьем в Западной Европе и порядками домонгольской Руси можно объяснить тем, что в обоих случаях мы имеем дело с конкретными вариантами политаризма, который сложился у германских племен на заре эпохи Средневековья, а позднее и у восточных славян при переходе к классовому обществу. Можно добавить, что захват германцами бывших римских провинций весьма способствовал формированию всеобъемлющей собственности государства на землю и местное население в лице верховного правителя – конунга (совр. нем. *König*), т.е. короля. Сходная картина наблюдалась при подчинении Руси варягами во главе с их предводителями Рюриком и Олегом. Но если в недрах политаризма на Западе постепенно вызревали ростки классического феодализма, который обрел свои законченные формы в период «феодальной революции» и процесса озамкования, то на Руси процесс постепенной феодализации был грубо прерван татаро-монгольским нашествием (1237–1240), отбросившим страну к обществу ярко выраженного восточного типа, когда под мощным прессом Орды

заимствовались многие элементы материальной и политической культуры Китая, Монголии, Персии, а затем и Турции, где веками господствовал политаризм [39; 40, с. 144–147, 166].

Обращаясь после этого теоретического экскурса к истории военно-оборонительной архитектуры на Руси в домонгольский период, следует подчеркнуть, что каменных или кирпичных крепостей и защитных городских стен здесь не было за редчайшим исключением в виде надвратных башен стольных городов – Киева и Владимира, укреплений Хотина в Галицко-Волынском княжестве и, возможно, и некоторых других. Дело в том, что наличие почти неисчерпаемых лесных ресурсов позволяло обходится деревоземляными укреплениями вместо каменных/кирпичных, поскольку орды кочевников, периодически нападавших на Русь со стороны Великой степи, не располагали осадной техникой и приемами взятия укрепленных городов. Захватить средневековый русский город того периода они могли лишь благодаря внезапности, случайности и халатности городской стражи. Долго осаждать города кочевники не имели возможности из-за разорения окрестных территорий и необходимости возвращаться в родные кочевья для заботы о стадах скота.

Неудивительно, что русские удельные князья не придали серьезного значения надвигавшемуся нашествию монголов, воспринимая их просто как очередную волну кочевников, от которых можно будет отсидеться за стенами городов, что уже не раз случалось в русской истории. Но они крепко просчитались: деревянные стены городских укреплений до того успешно противостоящие ордам венгров, печенегов и половцев оказались бессильны перед китайскими осадными орудиями, имевшимися у монголов, с помощью которых они ранее успешно штурмовали города Средней Азии [26, с. 209–241; 41, с. 201, 206]. Несмотря на героическое сопротивление десятки русских городов пали под натиском монголов хана Батыя и были разорены, а остальные, включая Великий Новгород, вынуждены платить дань.

Однако попытки монголов завоевать Центральную Европу в 1241–1242 гг. окончились неудачей [42], несмотря на несколько успешных сражений и взятия ряда городов в Польше, Чехии, Словакии, Венгрии, Сербии и Хорватии: каменные замки и крепости оказались тем волноломом, о который разбилось монгольское нашествие. Никаких монгольских войск не хватило бы для осады и захвата тысяч феодальных замков, покрывавших в то время Западную и Центральную Европу. Будучи порождением феодализма, они оказались спасителями европейской цивилизации. Иными словами, феодализм фактически защитил Западную Европу от ужасов завоевания и ордынского ига.

Правда, один из ведущих отечественных специалистов по истории Средневековья член-корреспондент РАН П.Ю. Уваров полагает, что «“роскошь феодализма” Западная Европа могла себе позволить, лишь оказавшись достаточно надежно прикрытой от гостей из Великой степи как естественными преградами, так и стойкостью народов Восточной Европы» [14, с. 116]. На самом деле никаких серьезных природных преград, которые прикрывали Европу от вторжения с востока не существовало. Кочевники Великой степи фактически беспрепятственно приходили в Европу начиная с нашествия гуннов в конце IV в. и обычно оседали в бывшей римской провинции Паннонии – единственном месте в Центральной Европе, где

имелись довольно обширные участки степи, комфортные для выпаса скота. Отсюда они совершали опустошительные нападения на окрестные земледельческие народы. Гуннов, как известно, сменили авары, аваров – венгры в X–XI вв., причем уже тогда замки в Германии сослужили добрую службу в отражении венгерских набегов. Сами венгры относительно быстро восприняли культуру окружающих европейских народов и вскоре сами стали возводить замки, крепости и окружать каменными стенами города, что в конечном итоге предотвратило оккупацию их страны монголами (что планировал хан Батый еще в 1235–1236 гг. [43, с. 88]). Хотя венгеро-хорватское войско потерпело сокрушительное поражение в битве при Шайо (1241 г.) и монголы даже назначили своего баскака в Венгрии, однако ряд крепостей им взять так и не удалось, после чего основные силы Батыя ушли в низовья Волги, где была заложена будущая столица Золотой Орды Сарай-Бату. Когда схлынула волна первого монгольского нашествия венгерские правители, опираясь на поддержку других европейских монархов, начали лихорадочное фортификационное строительство, включая сооружение каменных замков и усиление укреплений городов, что немало способствовало поражению монголов во время их второго (и последнего) крупного нашествия на Венгрию в 1285 г., а затем в 1287 г. на Польшу [42, p. 173–174; 44, с. 290]. Хорошо изучивший монгольские завоевания Р.П. Храпачевский вынужден признать: «На крайнем западе своего похода, т.е. в Польше, Чехии и Венгерском королевстве монголы взяли относительно небольшое количество городов» [26, с. 253]. Города упоминаются не случайно: именно они были главным объектом монгольских атак, поскольку в них кочевники жаждали получить не только материальные богатства, но и пленить значительные людские ресурсы. Захватывать же каменные замки, с точки зрения монголов, было «нерентабельно» – добычи в них было относительно немного, потери при штурме могли быть существенными и потому осаждать замки длительное время и, тем более, брать их штурмом монголы не видели большого смысла.

Что касается Руси, то еще во время пребывания под властью Орды, здесь началось сооружение каменных укреплений, хотя и в очень ограниченных масштабах. Тем не менее, уже в 1333 г. новгородский архиепископ Василий (Калика) начал строительство нового каменного Детинца в Новгороде, опасаясь войск Ивана Калиты с ордынцами и шведов. Правда, замена старого деревянного новгородского Детинца на каменный шла очень медленно и завершилась лишь в 30-е гг. XV в. В 1368 г. был отстроен белокаменный Московский Кремль, который вскоре дважды успешно выдержал осаду войск литовского князя Ольгерда и был взят в 1382 г. татарами хана Тохтамыша лишь из-за беспечной оплошности его защитников.

В дальнейшем в XV–XVI вв. военно-оборонительное зодчество на Руси было представлено, как и прежде, в основном деревоземляными укреплениями, а каменные в лучшем случае возводились лишь в ряде ключевых городов и крепостей (Псков, Изборская крепость, Коломенский Кремль и др.). При великом князе Иване III и его сыне Василии был заново отстроен Московский Кремль из красного кирпича под руководством итальянских архитекторов, в результате чего его башни и стены имеют зубцы в виде «ласточкиного хвоста», характерных для итальянских замков, что демонстрирует, например, резиденция миланских герцогов Сфорца (*Castello Sforzesco*).

Однако несмотря на расширение строительства каменных укреплений при великом князе Иване III, его сыне Василии III, и внуке – царе Иване IV Грозном – в московском государстве не строили феодальных замков. Это было вполне закономерно. Успешное противостояние с Золотой Ордой, а затем с крымскими и казанскими ханами, а также ногаями, было невозможно без сильного централизованно государства. В борьбе за объединение русских земель вокруг Москвы великий князь стремился заменить право земельной собственности удельных князей на свое личное. Из формального верховного собственника земли как обладателя «великого княжения владимирского» он превращается в реального повелителя [45, с. 95–96]. После 1480 г., когда окончательно пало Ордынское иго, удельные князья перешли на положение князей «служебных», а боярский вассалитет превратился в отношения подданства [46, с. 809–817, 895–896]. Н.П. Павлов-Сильванский очень точно передал суть трансформации российского общества от удельного периода к московскому абсолютизму: «Вольных великокняжеских слуг удельной эпохи сменяют в Московском государстве государевы холопы... Феодальный порядок постепенно падал у нас с Ивана III по мере принижения удельных княжат под тяжелой рукой московских государей. Царь Иван Грозный, взяв в 1565 г. в свою «опричнину» остатки наследственных удельных владений княжат, окончательно обессиливает их, лишив опоры их политические притязания» [19, с. 121, 125].

Поскольку у русских бояр отсутствовали замки, в которых они могли бы отсидеться от набегов опричников, немало знатных фамилий стали легкой жертвой опричного произвола. Расправляясь с боярством и удельными князьями или выселяя их из родовых вотчин на новые земли, Иван Грозный фактически пресекал развитие феодализма, укрепляя господствующий политаризм. Разорив Великий Новгород в 1569–1570 гг., царь во главе со своими опричниками нанес смертельный удар остаткам городских вольностей и подорвал формирование протобуржуазных отношений в этой бывшей боярской республике. В стране окончательно воцарился деспотизм восточного типа, а государство в лице царя утвердило свое безраздельную власть над всеми землями и судьбами людей. Об этом единодушно свидетельствуют записи европейских путешественников, дипломатических посланников и купцов, побывавших в России в XV–XVII вв. Так, английский дипломат Джильс Флетчер, посетивший Московское царство в 1588–1589 гг., писал о русских: «Образ правления у них весьма похож на турецкий, которому они, по-видимому, стараются подражать, сколько возможно… Правление у них чисто тираническое: все его действия клонятся к пользе и выгодам одного царя и, сверх того, самым явным и варварским образом» [47, с. 35]. О том же еще раньше сообщал посол Священной Римской империи барон Сигизмунд фон Герберштейн, побывавший с дипломатической миссией при дворе великого князя Василия III: «Он применяет свою власть к духовным так же, как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно и по своей воле жизнью и имуществом всех» [48, с. 53].

Концентрация основных богатств Московского государства в руках царя автоматически приводила к относительной бедности русского боярства. Адам Олеарий сообщал о русской знати: «… Их князья, даже самые знатнейшие по имениям и доходам, могут быть приравниваемы только нашим немецким простым дворянам» [18, с. 308]. Поэтому финансовое положение очень немногих князей и бояр теоретически позволяло им выстроить лишь небольшие замки, но они, естественно, не

делали этого, опасаясь обвинений в сепаратизме (измене) и боясь подвергнуться опале, конфискации вотчин, а то и смертной казни. На это красноречиво указывал Сигизмунд фон Герберштейн, касаясь правления Василия III: «Властью, которую он применяет по отношению к своим подданным, он легко превосходит всех монархов всего мира. И он докончил также то, что начал его отец [Иван III], а именно отнял у всех князей и других властелинов все их города и укрепления. Во всяком случае, даже родным своим братьям он не поручает крепостей, не доверяя им» [48, с. 51].

Что касается русского дворянства той поры, то оно в принципе не могло даже мечтать о собственных замках, поскольку их условная земельная собственность в виде поместий могла быть изъята в любой момент государством. Это происходило автоматически, если помещик-дворянин был не в состоянии нести военную службу. Впервые массовое наделение поместьями дворян произошло после завоевания Новгорода при Иване III, но расцвет поместной системы начался при его внуке Иване Грозном, которому потребовалась вооруженная опора для борьбы с боярством и хорошо оснащенная кавалерия для противодействия стремительным набегам татарской конницы. В подражание тогдашней Турции с ее системой тимаров, русскому воину-дворянину давали от государя поместье с крестьянами, однако оно оставалось государственной собственностью: помещику полагались лишь платежи, зафиксированные в переписных листах. При этом изначально поместье было совсем небольшим: молодой дворянин («новик»), получал не больше 150 десятин земли – около десяти крестьянских хозяйств, что позволяло иметь лишь относительно достойное вооружение, лошадь и пропитание. В случае успешной службы размер поместья мог быть увеличен. Дворянин, ушедший в отставку из-за тяжелого ранения или по старости, имел право только на часть поместья, так называемой «прожиток» [40, с. 213–215]. Учитывая сказанное, становится совершенно понятно, что используемый у нас термин «дворяне» для обозначения западноевропейской земельной аристократии, представляется совершенно неверным.

Со временем дворянские поместья постепенно превратились в наследственные владения и слились с вотчинами, причем юридически это произошло при Петре I, когда вышел уже упоминавшийся выше указ царя от 18 марта 1714 г. В нем поместья и вотчины были объединены в единое понятие «недвижимое имущество». Но и после этого русское дворянство не превратилось в полноценных феодалов и не принялось за строительство замков из-за продолжавшей сохраняться доминирующей собственности государства, отсутствия соответствующих традиций военного зодчества и наличия мощной царской артиллерии, что делало совершенно бесперспективным сооружение каменных/кирпичных замков. Архитектурным уделом дворянства XVIII–XIX вв. были либо загородные дворцы у наиболее состоятельных представителей дворянского сословия, либо более скромные барские усадьбы у подавляющей части мелкопоместного дворянства.

В России своеобразной заменой феодальным замкам стали укрепленные монастыри. Некоторые из них представляли собой настоящие мощные крепости, с каменными или кирпичными стенами и башнями, как, например, знаменитый Соловецкий монастырь на Белом море, Троице-Сергиева лавра или менее известный Спасо-Ефимьев монастырь в Суздале. Однако, в отличие от Католической церкви, которая выступала самостоятельным субъектом международных отношений, Русская

Православная церковь была целиком подчинена государству и воле великого князя/царя/императора (при политаризме иначе и быть не могло). Уже упомянутый Джильс Флетчер свидетельствовал: «Впрочем, сказать правду, духовенство, как в отношении своих поместьев и доходов, так и в отношении своей власти и юрисдикции, находятся совершенно в руках и управлении царя и его Думы, и в том и в другом случае пользуется только тем значением, какое они хотят ему предоставить» [47, с. 111–112]. Разногласия с верховной властью у высших духовных иерархов если и имели место, то никогда не воплощались в вооруженное противоборство и политический сепаратизм, а укрепленные монастыри были фактически такими же крепостями, как и государственные и лишь содержались за счет церкви.

Заключение

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что появление замков в Западной и Центральной Европе не было случайным явлением или данью архитектурной моде. Замки явились выражением того социального порядка, который установился в этом регионе в эпоху расцвета Средневековья. Тесную связь замков с феодализмом отмечали еще дореволюционные историки, например, основоположник отечественной медиевистики профессор Т.Н. Грановский писал: «Отнимите у феодала рыцарский замок, не было бы феодализма» [49, с. 254]. Видный французский историк-медиевист Жак Ле Гофф подтверждал: «Центром феодальной организации был замок. Появление укрепленных замков, военное назначение которых не должно скрывать их гораздо более широкие функции, было одним из важных феноменов западной истории X–XIII вв.» [50, с. 115]. Другими словами, средневековые замки были закономерным архитектурным воплощением феодальной системы с целым комплексом дополнительных культурных аспектов [51].

Поскольку в России замки не строили, это убедительно свидетельствует о том, что страна в своем развитии не проходила стадию феодализма. Ничего удивительного здесь нет. В России, как и в целом на Востоке (за исключением Японии) господство государственной собственности (политаризм) могло порождать в области оборонного зодчества только крепости, в то время как на Западе доминирование частно-личной и корпоративной (церковной) собственности стимулировало возведение замков.

Таким образом оборонительная архитектура Средневековья наглядно отразила восточной и западный тип цивилизации. В силу следования России восточному пути развития, а также, как уже говорилось, из-за отсутствия института майората, замков в стране не возводили, а те из них, которые до сих пор носят такое название были построены как резиденции царей (например, замок Мариенталь или Бип вблизи Павловска), либо являлись крепостями, принадлежавшими государству. Отечественные «феодалы» в лице удельных князей, бояр и, тем более, дворян зачастую просто не имели финансовых возможностей для сооружения замков, так как основное богатство страны сосредотачивалось в руках великого князя или царя, который всячески препятствовал даже малейшим поползновениям в этом направлении. Между тем отсутствие замков крайне отрицательно сказалось на судьбе страны в ходе монгольского завоевания, а в дальнейшем способствовало утверждению деспотической власти московских владык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Carque, B. Constructing Modern Meanings by Rebuilding Medieval Ruins: The Castles of Stolzenfels, Haut-Koenigsbourg, and Trifels in the Nineteenth and Twentieth Centuries // Medieval Art, Modern Politic / Ed. by B. Buettner, W.J. Diebold. Berlin: Walter de Gruyter GmbH. 2025. P. 59–83. https://doi.org/10.1515/9783111436821-003.
2. Десинг Ю. Королевский замок Нойшванштайн. Описание замка. История строительства. Саги. Путеводитель. Лехбрук-ам-Зее: Wilhelm Kienberger GmbH, 1998. 82 с.
3. Залесская С.К. Замки баварского короля. М.: Вече, 2009. 400 с.
4. Выборгский замок от «А» до «Я» / Коллектив авторов; под ред. А.В. Мельнова, Ю.И. Мошник. 3-е изд. испр. и доп. Выборг: Выборгский объединенный музей-заповедник, 2023. 408 с. EDN: EDDFKJ.
5. Маржерет Ж. де. Состояние Российской империи и Великого княжества Московского // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1986. С. 225–286.
6. Tuulse, A. Castles of the Western World. Mineloa, New York: Dover Publication Corp., 2002. 240 p.
7. Всеобщая история архитектуры в 12 томах. Т. 4. Архитектура Западной Европы. Средние века. Л., М.: Стройиздат, 1966. 693 с.
8. Килимник Е.В. Архитектурно-историческая типология феодальных замков Европы // Приволжский научный вестник. 2014. № 11–1 (39). С. 50–56. EDN: SZNZML.
9. Носов К.С. Русские крепости конца XV–XVII в. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-Клио, 2009. 248 с. EDN: QPSKCN.
10. Щеглов А.Д. Был ли феодализм в Швеции? // Средние века. 2020. Т. 81. № 1. С. 79–84. EDN: QJGBPG.
11. Носов К.С. Замки самураев и японское осадное искусство. М.: Вече, 2012. 184 с. EDN:QPVGTH.
12. Брылевский Г.Б. Японские замки – история и современность // Ежегодник Япония. 2007. Т. 36. С. 289–297.
13. Бессмертный Ю.Л. «Феодальная революция» X–XI веков? // Вопросы истории. 1984. № 1. С. 52–68. EDN: RNXQFP.
14. Уваров П.Ю. Ранее Новое время: взгляд из Средневековья // Новая и Новейшая история. 2011. № 2. С.109–120. EDN: NOEEIL.
15. Ярных В.С. Владения Геральда Орильякского: к вопросу о сети элитарных пространств в каролингской Оверни (сер. IX – сер. X вв.) // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 4. С. 21–35. https://doi.org/10.7256/2454-0609.2024.4.70724. EDN: MSXFBF.
16. Вильковский М.Б. Социология архитектуры. М.: Фонд «Русский авангард», 2010. 592 с.
17. Черникова Т.В. Средневековое землевладение и проблема феодализма в русской истории // Общественные науки и современность. 2005. № 5. С. 96–108. EDN: OOUZQZ.
18. Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1986. С. 289–470.
19. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М.: Наука, 1988. 690 с.
20. Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М.: Наука, 1972. 338 с. EDN: TMUBGV.
21. Кобищанов Ю.М. Полюдье и его трансформация при переходе от раннего к развитому феодальному государству // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М.: Наука, 1987. С. 136–151.
22. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб., Киев: Изд. Н.Я. Оглоблина, 1888. 542 с.
23. Бессонова О.Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1997. 76 с. EDN: RXPEZZ.
24. Стефанович П.С. Боярская служба в средневековой Руси // Одиссей: человек в истории. 2006: феодализм перед судом историков. М.: Наука, 2006. С.151–160. EDN: PXFKAS.
25. Соловьёв С.М. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989. 768 с.
26. Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ВЗОИ», 2004. 557 с. EDN: QOUEZP.
27. Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть I. М.: Мысль, 1987. 430 с.

28. Барг М.А. Исследования по истории английского феодализма в XI–XIII вв. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 379 с.
29. Гринёв А.В. Вековые трансформации российского «Левиафана» // Клио. 2015. № 9 (105). С. 207–215. EDN: UIQLCH.
30. Маркс К. Военный вопрос. – Парламентские дела. – Индия // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 9. С. 216–223.
31. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Власть и собственность // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 50–61.
32. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 421 с.
33. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. 576 с.
34. Дворниченко А.Ю. От циклизма до теологизма, или снова об особенностях российской истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 2. С. 531–548. https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.214. EDN: VKRPPN.
35. Семенов Ю.И. Экономическая этнология. Кн. 1. Ч. I–III. М: ИЭА РАН, 1993. 1418 с.
36. Семенов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки. М.: Либроком, 2016. 376 с.
37. Салинз М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999. 296 с.
38. Горский А.А. О «феодализме»: «русском» и не только // Средние века. 2008. Т. 69. № 4. С. 9–26. EDN: MUEAQR.
39. Нефёдов С.А. Монгольские завоевания и формирование российской цивилизации // Вопросы истории. 2006. № 2. С. 113–123. EDN: GYUTOF.
40. Нефёдов С.А. История России. Факторный анализ. Т.I. С древнейших времен до Великой Смуты. М.: Территория будущего, 2010. 373 с. EDN: QPRDYT.
41. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М., Л.: Изд. АН СССР. Т. 1. Кн. 2. 315 с.
42. Jackson, P. The Mongols and the West, 1221–1410. London & New York: Routledge, 2018. 425 p.
43. Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторические записки. 1940. Т. 3. С. 71–112.
44. Килимник Е.В. Культурно-исторические особенности развития дворцово-замковых комплексов на землях венгерской короны в конце XVI – начале XVII века // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009. Т. 15. № 4. С. 289–295. EDN: MTIYND.
45. Покровский Н.Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV – начала XVI в. Новосибирск: Наука, 1973. 231 с.
46. Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. 899 с.
47. Флетчер Дж. О государстве русском // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев / Пер. с англ. Н. Белозерской, Ю. Готье; пер. с нем. И. Анонимова, И. Полосина. Смоленск: Русич, 2003. С. 14–151.
48. Герберштейн С. фон. Записки о московских делах // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1986. С. 31–150.
49. Грановский Т.Н. Лекции по истории Средневековья. М.: Наука, 1987. 427 с.
50. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 560 с. EDN: QOWGQP.
51. Килимник Е.В. Культурно-историческая ценность феодальных замков и европейского Средневековья // Социология власти. 2010. № 7. С. 98–105. EDN: NBLXAV.

REFERENCES

1. Carque, B. Constructing Modern Meanings by Rebuilding Medieval Ruins: The Castles of Stolzenfels, Haut-Koenigsbourg, and Trifels in the Nineteenth and Twentieth Centuries. *Medieval Art, Modern Politic.* Ed. by B. Buettner, W.J. Diebold. Berlin: Walter de Gruyter GmbH. 2025. P. 59–83. https://doi.org/10.1515/9783111436821-003.

2. Desing, Yu. Korolevskii zamok Noishvanshtein. Opisanie zamka. Istoriya stroitelstva. Sagi. Putevoditel [The Royal Castle of Neuschwanstein. Description of the Castle. History of Construction. Sagas. Guidebook]. Lekhbruk-am-See: Wilhelm Kienberger GmbH, 1998. 82 p. (In Russian).
3. Zalesskaya, S.K. Zamki bavarskogo korolya [Castles of the Bavarian King]. Moscow: Veche, 2009. 400 p. (In Russian).
4. Vyborgskii zamok ot «A» do «Ya» [Vyborg Castle from A to Z]. Kollektiv avtorov; pod red. A.V. Melnova, Yu.I. Moshnik. 3-ye izd. ispr. i dop. Vyborg: Vyborgskii obyedinennyi muzei-zapovednik, 2023. 408 p. (In Russian). EDN: EDDFKJ.
5. Marzheret, J. de. Sostoyanie Rossiiskoi imperii i Velikogo knyazhestva Moskovskogo [The State of the Russian Empire and the Grand Duchy of Moscow]. *Russia XV–XVII Centuries through the Eyes of Foreigners.* Leningrad: Lenizdat, 1986. P. 225–286. (In Russian).
6. Tuulse, A. Castles of the Western World. Mineloa, New York: Dover Publication Corp., 2002. 240 p.
7. Vseobshchaya istoriya arkhitektury v 12 tomakh. T. 4. Arkhitektura Zapadnoi Evropy. Srednie veka [General History of Architecture in 12 Volumes. Vol. 4. Architecture of Western Europe. The Middle Ages]. Leningrad, Moscow: Stroiizdat, 1966. 693 p. (In Russian).
8. Kilimnik, E.V. Architectural and Historical Typology of Feudal Castles in Europe. *Privolzhskii nauchnyi vestnik*. 2014. No. 11–1 (39). P. 50–56. (In Russian). EDN: SZNZML.
9. Nosov, K.S. Russkie kreposti kontsa XV–XVII v. [Russian Fortresses of the Late 15th–17th Centuries]. St. Petersburg: Fakultet filologii i iskusstv SPbGU; Nestor-Klio, 2009. 248 p. (In Russian). EDN: QPSKCN.
10. Shcheglov, A.D. Was There Feudalism in Sweden? *Middle Ages*. 2020. Vol. 81. No. 1. P. 79–84. (In Russian). EDN: QJGBPG.
11. Nosov, K.S. Zamki samuraev i yaponskoe osadnoe iskusstvo [Samurai Castles and Japanese Siege Art]. Moscow: Veche, 2012. 184 p. (In Russian). EDN:QPVGTH.
12. Brylevskii, G.B. Yaponskie zamki – istoriya i sovremennost' [Japanese Castles: History and Modernity]. *Japonskii ezhegodnik* [Yearbook Japan]. 2007. Vol. 36. P. 289–297. (In Russian).
13. Bessmertnyi, Yu.L. «Feodalnaya revolyutsiya» X–XI vekov? ["Feudal Revolution" of the 19th–20th Centuries?]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 1984. No. 1. P. 52–68. (In Russian). EDN: RNXQFP.
14. Uvarov, P.Yu. Early Modern Times: A View from the Middle Ages. *New and Contemporary History*. 2011. No. 2. P. 109–120. (In Russian). EDN: NOEEIL.
15. Yarnykh, V.S. The Possessions of Gerald of Aurillac: On the Question of a Network of Elite Spaces in the Carolingian Auvergne (IX–X Centuries). *Historical Journal: Scientific Research*. 2024. No. 4. P. 21–35. (In Russian). https://doi.org/10.7256/2454-0609.2024.4.70724. EDN: MSXFBF.
16. Vil'kovskii, M.B. Sotsiologiya arkhitektury [Sociology of Architecture]. Moscow: Fond «Russkiy avangard», 2010. 592 p. (In Russian).
17. Chernikova, T.V. Medieval Land Ownership and the Problem of Feudalism in Russian History. *Social Sciences and Modernity*. 2005. No. 5. P. 96–108. (In Russian). EDN: OOUZQZ.
18. Olearius, A. Opisanie puteshestviya v Moskoviyu [Description of a Journey to Muscovy]. *Russia XV–XVII Centuries through the Eyes of Foreigners*. Leningrad: Lenizdat, 1986. P. 289–470. (In Russian).
19. Pavlov-Silvanskii, N.P. Feodalizm v Rossii [Feudalism in Russia]. Moscow: Nauka, 1988. 690 p. (In Russian).
20. Novosel'tsev, A.P., Pashuto, V.T., Cherepnin, L.V. Puti razvitiya feodalizma (Zakavkaz'e, Srednyaya Aziya, Rus', Pribaltika) [Paths of Development of Feudalism (Transcaucasia, Central Asia, Rus', the Baltics)]. Moscow: Nauka, 1972. 338 p. (In Russian). EDN: TMUBGV.
21. Kobishchanov, Yu.M. Polyud'e i ego transformatsiya pri perekhode ot rannego k razvitomu feodalnomu gosudarstvu [Polyudye and Its Transformation during the Transition from an Early to a Developed Feudal State]. *From Pre-class to Early-class Societies.* Moscow: Nauka, 1987. P. 136–151. (In Russian).
22. Vladimirskii-Budanov, M.F. Obzor istorii russkogo prava [Review of the History of Russian Law]. St. Petersburg, Kiyev: Izd. N.Ya. Ogloblina, 1888. 542 p. (In Russian).

23. Bessonova, O.E. Instituty razdatochnoi ekonomiki Rossii: retrospektivnyi analiz [Institutions of the Distribution Economy in Russia: A Retrospective Analysis]. Novosibirsk: IEiOPP SO RAN, 1997. 76 p. (In Russian). EDN: RXPEZZ.
24. Stefanovich, P.S. Boyarskaya sluzhba v srednevekovoi Rusi [Boyar Service in Medieval Rus']. *Odissei: chelovek v istorii. Feodalizm pered litsom istorikov* [*Odysseus: A Man in History. Feudalism before the Court of Historians*]. Moscow: Nauka, 2006. P. 151–160. (In Russian). EDN: PXFKAS.
25. Solov'ev, S.M. Chteniya i rasskazy po istorii Rossii [Readings and Stories on the History of Russia]. Moscow: Pravda, 1989. 768 p. (In Russian).
26. Khrapachevskii, R.P. Voennaya derzhava Chingiskhana [The Military Power of Genghis Khan]. Moscow: OOO «Izdatelstvo AST»: OAO «VZOI», 2004. 557 p. (In Russian). EDN: QOUEZP.
27. Klyuchevskii, V.O. Kurs russkoi istorii [Course in Russian History]. Moscow: Mysl, 1987. 430 p. (In Russian).
28. Barg, M.A. Issledovaniya po istorii angliiskogo feodalizma v XI–XIII vv. [Research on the History of English Feudalism in the 11th–13th Centuries]. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1962. 379 p. (In Russian).
29. Grinëv, A.V. Transformation of the Russian "Leviathan" over the Centuries. *International Social Science Review*. 2017. Vol. 93. No. 2. Article 2. P. 1–19 (In Russian).
30. Marks K. Voyennyi vopros. – Parlamentskie dela. – Indiya [Military Question. – Parlamentary Affairs. – India]. Marks K., Engels F. Collection of works. Moscow: Izd-vo polit. lit-ry. Vol. 9. P. 216–223. (In Russian).
31. Radaev, V.V., Shkaratan, O.I. Vlast' i sobstvennost' [Power and Property]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. 1991. No. 1. P. 50–61. (In Russian).
32. Pipes, R. Rossiya pri starom rezhime [Russia under the Old Regime]. Moscow: Nezavisimaya gazeta, 1993. 421 p. (In Russian).
33. Milov, L.V. Velikorusskii pakhar' i osobennosti rossiiskogo istoricheskogo protsessa [Great Russian Plowman and the Peculiarities of the Russian Historical Process]. Moscow: ROSSPEN, 2001. 576 p. (In Russian).
34. Dvornichenko, A.Yu. From Cyclism to Theologism, or Again on the Peculiarities of Russian History. *Bulletin of St. Petersburg University. Story*. 2023. Vol. 68. Issue 2. P. 531–548. (In Russian). https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.214. EDN: VKRPPN.
35. Semenov, Yu.I. Ekonomicheskaya etnologiya [Economic Ethnology]. Book 1. Pt. I–III. Moscow: IEA RAN, 1993. 1418 p. (In Russian).
36. Semenov, Yu.I. Politarnyi («aziatskii») sposob proizvodstva: sushchnost i mesto v istorii chelovechestva i Rossii. Filosofsko-istoricheskie ocherki [The Politarny ("Asian") Mode of Production: Essence and Place in the History of Humanity and Russia. Philosophical and Historical Essay]. Moscow: Librokom, 2016. 376 p. (In Russian).
37. Sahlins, M. Ekonomika kamennogo veka [The Economy of the Stone Age]. Moscow: OGI, 1999. 296 p. (In Russian).
38. Gorskii, A.A. On "Feudalism": "Russian" and not only. *Middle Ages*. 2008. Vol. 69. No. 4. P. 9–26. (In Russian). EDN: MUEAQR.
39. Nefedov, S.A. Mongol Conquests and the Formation of Russian Civilization. *Questions of History*. 2006. No. 2. P. 113–123. (In Russian). EDN: GYUTOF.
40. Nefedov, S.A. Istoriya Rossii. Faktornyi analiz. T.I. S drevneyshikh vremen do Velikoi Smuty [History of Russia. Factor Analysis. Vol. I. From Ancient Times to the Great Troubles]. Moscow: Territoriya budushchego, 2010. 373 p. (In Russian). EDN: QPRDYT.
41. Rashid-ad-Din. Sbornik letopisei [Collection of Chronicles]. Moscow, Leningrad: Izd. AN SSSR. Vol. 1. Book 2. 315 p. (In Russian).
42. Jackson, P. The Mongols and the West, 1221–1410. London & New York: Routledge, 2018. 425 p.
43. Anninskii, S.A. Izvestiya vengerskikh missionerov XIII–XIV vv. o tatarakh i Vostochnoi Evrope [News of Hungarian Missionaries of the 13th–14th Centuries about the Tatars and Eastern Europe]. *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes]. 1940. Vol. 3. P. 71–112. (In Russian).
44. Kilimnik, E.V. Cultural and Historical Features of the Development of Palace and Castle Complexes on the Lands of the Hungarian Crown in the late 16th – early 17th Centuries. *Vestnik*

Kostromskogo gos. universiteta named after N.A. Nekrasov. 2009. Vol. 15. No. 4. P. 289–295. (In Russian). EDN: MTIYND.
45. Pokrovskii, N.N. Aktovye istochniki po istorii chernososhnogo zemlevladeniya v Rossii XIV – nachala XVI v. [Actual Sources on the History of Black-soil Land Ownership in Russia in the 14th – early 16th Centuries]. Novosibirsk: Nauka, 1973. 231 p. (In Russian).
46. Cherepnin, L.V. Obrazovanie russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vekakh. Ocherki sotsialno-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rusi [Formation of the Russian Centralized State in the 14th–15th Centuries. Essays on the Socio-economic and Political History of Rus']. Moscow: Izd-vo sotsialno-ekonomicheskoi literatury, 1960. 899 p. (In Russian).
47. Fletcher, J. O gosudarstve russkom [On the Russian State]. *Russia of the 16th Century. Memories of Foreigners* / Transl. from Engl. N. Belozerskoi, Yu. Got'e; Transl. from Germ. I. Anonimova, I. Polosina. Smolensk: Rusich, 2003. P. 14–151. (In Russian).
48. Herbershtein, S. fon. Zapiski o moskovskikh delakh [Notes on Moscow Affairs]. *Russia XV–XVII Centuries through the Eyes of Foreigners*. Leningrad: Lenizdat, 1986. P. 31–150. (In Russian).
49. Granovskii, T.N. Lektsii po istorii Srednevekovya [Lectures on the History of the Middle Ages]. Moscow: Nauka, 1987. 427 p. (In Russian).
50. Le Goff J. Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada [Civilization of the Medieval West]. Yekaterinburg: U-Faktoriya, 2005. 560 p. (In Russian). EDN: QOWGQP.
51. Kilimnik, E.V. Cultural and *Historical Value of Feudal Castles and the European Middle Ages. Sociology* of Power. 2010. No. 7. P. 98–105. (In Russian). EDN: NBLXAV.

Сведения об авторах / Information about authors

Гринёв Андрей Вальтерович – доктор исторических наук, профессор Высшей школы общественных наук Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: agrinev1960@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0246-7945
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Grinev Andrei V. – Doctor of Historical Sciences, Professor. Higher School of Social Sciences, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.
E-mail: agrinev1960@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0246-7945
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 12.03.2026.
Одобрена после рецензирования 11.04.2026.
Принята 12.04.2026.

Received 12.03.2026.
Approved after reviewing 11.04.2026.
Accepted 12.04.2026.